

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 130.2:7.034.7
doi: 10.17223/1998863X/88/8

ИДЕЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СМЕРТИ В МИРЕ МЕЧТЫ НОВАЛИСА: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ПРОЧТЕНИЯ «ГИМНОВ К НОЧИ»

Михаил Анатольевич Корниенко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
mkornienko1@gmail.com*

Аннотация. Представлен философский анализ поэмы «Гимны к Ночи» Фридриха фон Харденберга, немецкого писателя-романтика. Рассмотрено, как личный опыт поэта способствовал рождению центральной темы поэмы – темы смерти и её преодоления. Анализируется поэтический опыт Новалиса, посредством которого раскрывается новое понимание и переживание смерти. Через сопоставление Ночи и Света Новалис раскрывает смысл «Истинной Ночи» как смерти. Для поэта любовь становится тем ключом, который позволяет проникнуть за пределы земного в область трансцендентного. Смерть рассматривается поэтом как явление, в котором может быть осуществлено перерождение для новой вечной жизни. В поэме представлена идея слияния концепции «Истинной Ночи» как смерти с идеей Спасителя, что ведёт к преодолению смертного предела и преобразует смерть в высшую, благодатную и открытую вечности форму.

Ключевые слова: Смерть, «Истинная Ночь», романтизм, предел, вечная жизнь, любовь, перерождение, благо

Для цитирования: Корниенко М.А. Идея преодоления смерти в мире мечты Новалиса: опыт философского прочтения «Гимнов к Ночи» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 77–84. doi: 10.17223/1998863X/88/8

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

THE IDEA OF OVERCOMING DEATH IN NOVALIS' DREAM WORLD: EXPERIENCE OF A PHILOSOPHICAL READING OF "HYMNS TO THE NIGHT"

Mikhail A. Kornienko

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
mkornienko1@gmail.com*

Abstract. Romanticism has defined itself as a vector of development of European spiritual culture, opposing the leveling of personality with the aspiration for freedom and the Infinite, perfection and renewal, for personal and civil independence. The basis of the romantic

worldview was the most acute discord between the ideal and reality. The determining motives of the romantic worldview and art were the affirmation of the intrinsic value of human life in all the richness of its manifestations, the motives of the spiritualizing and healing potential of nature, the motives of strong passions. The designated motives coexist in the context of the works of romantics with the motives of world sorrow, the “night” side of the soul, which is manifested through an appeal to the potential of the tragicomic, grotesque, ironically designed. The author of the article proceeds from the idea V.M. Zhirmunsky proposed in his monographic study *Romanticism in Germany and England*. The meaning of this idea lies in the assertion of the inseparable connection between the historical genesis of Romanticism as a school, trend, worldview and the development of a new sense of life. The author believes that elements of a worldview are present in the most naive experience of life, while the form is a later product of the crystallization of spiritual experience, the result of a new sense of life turning into a worldview. In a certain sense, this is applicable to Novalis's “Hymns to the Night”. The article presents an analysis of “Hymns to the Night” by F. Hardenberg (Novalis), a German romantic writer and philosopher. Novalis interprets the world as a symbolic all-unity (“magical idealism”) – an all-unity ensured by the existence of spirit, nature, God in relation to polarity and mutual reflection. The idea of symbolic all-unity is realized in Novalis's work through an appeal to the potential of mythological, polysemantic encrypted symbols and a set of religious and mystical motifs and images. The article reveals the condition for the birth of a new creative task of the poet – to designate death and its overcoming as the main theme, and this condition is openness to the beyond. The poet turns to personal experience of mystical experiences, in which Light and Night are presented as symbols of harmony. Night is the queen of the world, the herald of sacred worlds, the patroness of blissful love, the secret altar of love, while Light is the personification of “earthly oppression” and those limits to which the earthly world is subject. The article examines the poetic experience of experiencing and understanding Death (Light is the personification of the limit; Night is the kingdom where time and limits have no power; Death is the True Night). The mystical experience for the poet is an exodus beyond the earthly, where the truth of the Night is revealed in the boundless infinity. Novalis in “Hymns to the Night” gives a new interpretation of Death: “Death renews in its rapidity”. “Hymns to the Night” are united by the fusion of the concept of the “True Night” as Death with the idea of the Savior, leading to overcoming the mortal limit and transforming death into a higher, gracious form open to eternity. Death and the resurrection of the Savior are interpreted as overcoming death in the form of a limit that is now open; death becomes a blessing and an opportunity for subsequent eternal life. Life and Death are transformed by the poet into correlated concepts. Destroying the usual idea of death, combining In the image of Death, the incompatible (decay and blossoming), Novalis endows Night with the status of a symbol of eternal life.

Keywords: death, “True Night”, romanticism, limit, eternal life, love, rebirth, good

For citation: Kornienko, M.A. (2025) The idea of overcoming death in Novalis' dream world: experience of a philosophical reading of “Hymns to the night”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 77–84. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/8

Творчество Новалиса (Георга Вильгельма Фридриха фон Харденберга (1772–1801)) небезосновательно считается в исследовательском сообществе ключом к пониманию немецкого романтизма. Один из лучших исследователей творчества Новалиса Е. Спенле справедливо указывает на то, что понимание подлинного немецкого романтизма возможно лишь через Новалиса, и всё, что возникло в романтической школе в дальнейшем, стало результатом этого влияния. Возрождаясь и преображаясь в новые формы, романтизм не мог не обратиться к прошлому, где наиболее яркой фигурой и стал Новалис, в романтической мысли и творчестве которого нашли свое отражение основные тенденции и идеи романтизма как школы. Творивший под псевдонимом «Новалис» Георг Вильгельм Фридрих фон Харденберг, родившийся в 1772 г.

в Нижней Саксонии в замке Видерштедт, перестроенном из монастыря, был выходцем из старинного нижнесаксонского рода. Согласно одной из версий, псевдоним Новалис соотносится с латынью и может быть переведен как «земля из-под леса, никогда не вспаханная плугом», «пашня», «новь». Поэт, в частности, писал о своем псевдониме следующее: «Это моё старинное родовое имя, не совсем неподходящее для меня». Действительно, ещё в хрониках XII в. упоминался род де Новали, фамилия, семантику которой можно соотнести с корчеванием, расчисткой леса под пашню.

В истории философии и литературы за Новалисом прочно закрепился образ отрешенного творца и звёздного романтика, чему в немалой степени поспособствовала работа таких исследователей, как Генрих Гейне, Морис Метерлинк, Томас Карлейль. Однако следует отметить, что образ этот хоть и выдержан стилистически, но при этом мало правдоподобен. Сложнее всего было отойти от стилистических черт, созданных Гейне, который отождествлял Новалиса с его болезнью (туберкулёзом). Согласно Гейне, Новалис, умерший в 1801 г., словно обретает себя в болезни. Новалис же, напротив, до конца не оставлял борьбы со смертью, и его пусть короткая, но наполненная творчеством жизнь была лишена покорности перед близким уходом. Точка зрения Гейне и подобные ей опровергаются мемуарами современников поэта, которые вспоминают о Новалисе как о светлом, очень весёлом, помоцартовски одарённом, без труда и с удивительной быстротой проникающим в любую область знания. Он был мастером тех малых форм человеческого общения, теорию которых изложил в своем трактате Фридрих Шлейермахер, форм, получивших развитие в йенском романтическом кругу (см. об этом: [1]).

Наиболее значимыми произведениями в творческом наследии Новалиса являются роман «Генрих фон Офтердинген», поэма «Гимны к Ночи», повесть «Ученики в Саисе», «Духовные песни», а также «Философские фрагменты» и «Афоризмы».

В 1784 г. Новалис сдаёт выпускные экзамены в университете и, последовав совету отца, получает место местного чиновника в администрации тюрингского местечка Теннштедт. Служебное поручение приводит молодого Новалиса в расположенный севернее Теннштедта Грюнинген, где он знакомится с семьёй отставного лейтенанта саксонской службы и капитана княжеской шварцбургской службы Иоганна Рудольфа фон Рокентина.

Оказавшись в дружелюбной атмосфере большого семейства, более всего Новалис был очарован Софи, дочерью хозяйки дома от первого брака. В то время Софи фон Кюн едва исполнилось тринадцать лет [2. С. 149], и сложно сказать, чем в действительности она привлекла Новалиса. Но, как отмечал сам Новалис, особое очарование в ней составляло смешение детской непосредственности, наивности и ранней зрелости. Новалис вспоминает: «...она боится пауков и мышей, охотно пьёт вино, курит табак, хочет видеть Харденберга всегда довольным и не верит ни в какую будущую жизнь, только в переселение душ... она не хочет ничем становиться – она уже есть нечто» (цит. по: [1. С. 78]).

Пытаясь раскрыть природу чувства Новалиса, исследователь романтической школы Н.Я. Берковский справедливо отмечает: «...над Новалисом имел силу вовсе не обычай (заключать ранние браки. – М.К.), Новалис нашел в

Софи Кюн столь ценимую им поэзию „утреннего часа“, поэзию младенствующего и первичного... Рассуждения о влиянии Софи на Новалиса малоосновательны, потому что Софи сама была созданием этой поэзии. Новалис отметил Софи, избрал её, потому что она соответствовала законам его поэтического миропонимания, заранее была предопределена к роли героини написанного им прозой и стихами» [2. С. 149]. Ранняя смерть Софи, наступившая в возрасте пятнадцати лет после неудачной операции, позволит воспоминаниям Новалиса сохранить чистый образ невесты: «...19 марта 1797 года в 9 часов поутру, два дня спустя после её пятнадцатого дня рождения» Софи фон Кюн умирает «от последствий чахотки», как повествует об этом книга грюнингенских церковных записей. Исследователи [2–4] рассматривают смерть Софи фон Кюн как событие, способствовавшее рождению Новалиса – романтического поэта. Несомненно, образ мёртвой возлюбленной играл впоследствии в произведениях Харденберга немаловажную роль, а смерть и её преодоление становятся ключевым моментом его творческой философии. Наиболее характерный для того времени образ мыслей Новалиса находит свое отражение в переписке с Каролиной Юст в конце марта 1797 г. [1. С. 96–97]. Определяющими для поэта становятся осознание утраты и одиночества в сочетании с надеждой на скорую встречу с Софи. В образе Софи для поэта воплощен дух вечного мира, любви, согласия, доброты и смирения. Образ умершей невесты становятся путеводным в призвании к апостольскому служению, дающему жизни Новалиса новое измерение. Софи олицетворяет идею посредничества высшего мира и поэта, Бога и поэта. Обретя призвание, подобное апостольскому, поэт пытается прийти к новой духовности и «стать истинно возвышенным человеком». Исток понятия «истинно возвышенный человек», заключающего в себе единство смерти и апостольского призвания, следует искать в «Невидимой ложе» Жан-Поля, которая была настольной книгой братьев Харденбергов. Возвышенный человек, согласно Жан-Полю, должен обладать «...превосходством над земным, чувствовать ограниченность всего земного, возвышаться над окружающим миром. В нём живёт способность взглянуть на жизнь с более возвышенной точки зрения: тем самым он включает смерть в жизнь и добивается величия с помощью такого преодоления кажущейся окончательности» («Невидимая ложа» Жан-Поля, цит. по: [1. С. 97–98]). Открытость запредельному миру, надоблачной сфере становится необходимым условием для рождения главной темы поэта – темы смерти и её преодоления.

Смерть Софи – событие, благодаря которому и возникают «Гимны к ночи», единственное законченное произведение Новалиса. Существуют две версии текста «Гимнов к Ночи», и теперь уже доподлинно не известно, какую из этих версий поэт считал окончательной. Первые пять гимнов написаны в канун 1800 г. на четырех листах Folio. В авторской рукописи они разбиваются на строки, подобные стихотворным. Однако этот же текст был напечатан в 1800 г. в журнале «Атенеум» (в шестом, последнем номере «Атенеума» в августе 1800 г., при жизни поэта) в форме прозы. Исследователи склоняются к мнению, что окончательной версией следует считать журнальную, которая в ходе согласования с автором приобрела характерные особенности. Известно, что Новалис не рассматривал «Гимны к Ночи» как произведение прозаическое – своё творение он называет «Das Gedicht», немецкое слово, которое

может быть переведено как «стихотворение». Впрочем, данное слово может быть применимо и к более крупным формам, таким как «поэма». Рукописная версия «Гимнов к Ночи» вполне может быть соотнесена с немецкой традицией свободных ритмов («Весенний праздник», «Псалом» Ф.-Г. Клопштока и «Ганимед», «Прометей» Гёте). Усматривается определенное сходство и с поздними гимнами Гёльдерлина («единый стройный стих», как о нём говорит в конце пятого гимна сам поэт). Но в то время как у Гёльдерлина каждая строка, являясь синтаксически целостной, непреложна в своём дроблении, текст Новалиса отличает нерешительность в делении на строки, которые стремятся не столько выделиться, сколько слиться в единое целое; для строчной версии характерна большая экспрессивность, достигаемая за счёт расстановки необходимых акцентов в применяемых деталях. Для «сплошной» версии характерно своего рода преобладание единой мелодии, заключающей в себе общее течение слов и фраз, переходящей из гимна в гимн. В определенный момент Новалис избирает в качестве названия для своего произведения заглавие «К Ночи», но на страницах журнала оно выйдет под названием «Гимны к Ночи». В «Гимнах к Ночи» исследователи усматривают влияние ряда библейских источников, таких, как Книга Иова, Книга пророка Исаи, Книга пророка Иеремии, Книга пророка Даниила. Прослеживается и влияние непрерывного Стиха Литургии. Косвенное влияние «Гимнов к Ночи» вполне различимо в таких произведениях, как книга Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», в стихах П. Клоделя и С.-Ж. Перса, в «Озарениях» А. Рембо.

Первый гимн Новалис начинает, вознося хвалу раскинувшему праздничные скинии Свету, который до сей поры почитался царем земной природы.

Свет открывает чудеса земного мира; Свет, разделяя, позволяет освещать и различать, ночь же, окутывая мир, стирает любые границы. Вместе Свет и Ночь – символ гармонии. Если ранее Ночь являла собой лишь тьму как противоположность Света, в «Гимнах к Ночи» она обретает дополнительную глубину своего значения, явив поэту образ утраченной возлюбленной: «Ты тоже благоволишь к нам, сумрачная Ночь? Что ты скрываешь под мантией своей, незримо, но властно трогая мне душу? Сладостным снадобьем нас кропят маки, приносимые тобою. Ты напрягаешь онемевшие крылья души. Смутное невыразимое волнение охватывает нас – в испуге блаженном вижу, как склоняется ко мне благоговейно и нежно задумчивый лик, и в бесконечном сплетенье прядей угадываются ненаглядные юные черты матери... В могильной бездне затеряна Вселенная – пустынный, необитаемый предел» [5. С. 48–49]. Сокровенное Царство Ночи раскрывается перед Поэтом в своей власти и красоте. Новалис славит Ночь как загадочную, неизъяснимую царицу мира, провозвестницу священных миров, покровительницу блаженной любви.

Во втором гимне «гнѣту земного», олицетворением которого является Свет, Новалис противопоставляет Ночь. В земной суете дня исчезает, растворяется «небесный след» Ночи. Ночь заключает в себе «тайный жертвенник любви», этот жертвенник горит вечным пламенем.

В то время как Свет является олицетворением предела, Ночь становится царством, где не властны ни пределы, ни время. Смерть именуется Новалисом «Истинной Ночью»: «Сон святой, не обездоливай надолго причастных Ночи в тягостях земного дня. Лишь глупцы тобой пренебрегают; не ведая тебя, они довольствуются тенью, сострадательно бросаемой тобой в нас, пока

не наступила истинная Ночь. Они тебя не обретают в золотом потоке гроздьев, – в чарах миндального масла, – в темном соке мака» [5. С. 50]. Истинная Ночь приобщает к Небу. Ночь хранит в себе ключ к чертогам блаженных, Ночь безмолвна, но она – безмолвный вестник неисчерпаемой тайны.

В третьем гимне Новалис обращается к личному опыту мистических переживаний на месте погребения возлюбленной и повествует о том, как он ощутил подобно некоей ниспосланной благодати «блаженства пролившийся сумрак», а вслед за тем – «расторжение уз рождения – потоков света». В мистическом переживании осуществляется исход за предел земного и истинная Ночь раскрывается перед поэтом в необъятной безграничности.

В этом же гимне есть фрагмент: «...облаком праха клубился холм – сквозь облако виделся мне просветлённый лик любимой. В очах у неё опочила вечность – руки мои дотянулись до рук её, с нею меня сочetaли, сияя, нерасторжимые узы слез» [5. С. 53]. Фрагмент этот исследователи связывают с дневниковой записью Новалиса от 13 мая 1797 г.

В начале четвертого гимна Новалис усиливает противопоставление Ночи и Света, размышляя о тех, кто вкусил истинное знание Ночи (Смерти), а также о том, что вкусившие это знание более не принадлежат Свету (миру земного, предельного): «...кто вкусил сокровенного, кто стоял на пограничной вершине мира, глядя вниз, в неизведанный дол, в гнездилище Ночи, – поистине тот не вернётся в столпотворенье мирское, в страну, где в смятении вечном господствует Свет» [5. С. 54].

В четвертом гимне впервые появляется образ пилигрима, который воделеет слияния с потусторонним миром. Поэт указывает на то, что проникновение за пределы земного в область трансцендентного может быть осуществлено и раскрыто лишь в животворящей любви: «...лишь то, что любовь освятила прикосновением своим, течёт, растворяясь, по сокровенным жилам в потустороннее царство» [5. С. 55].

Окончательное соединение Любви и Смерти происходит в четвертом гимне: «Однако владеет моим сокровенным сердцем одна только Ночь со своей дочерью, животворящей Любовью» [5. С. 55]. Или, по выражению В. Брюсова, «Любовь венчает Смерть». Здесь можно усмотреть косвенную отсылку к греческой мифологии, где богиня ночи Нюкта является матерью целого сонма греческих божеств.

Завершается четвертый гимн стихотворным фрагментом под названием «Путь пилигрима», в котором особо значима строка «Смерть обновляет в своей быстрине», что можно интерпретировать как перерождение в Смерти для новой вечной жизни.

Пятый гимн [5. С. 58–66] поэт начинает с повествования о том, что люди до определенного момента обитали в земном мире в присутствии смерти как необходимости, неотвратимого предела всего земного: «Над племенами людскими в пространном их расселенье до времени царило насилье немое железного рока. Робкая душа людская в тяжких темных пеленах дремала». Поэт повествует о том, как в земном мире обитали боги и люди (имея в виду, по всей видимости, дохристианскую эпоху). В «Гимнах к Ночи» Новалиса есть много мест, в которых можно усмотреть отсылки к греческой мифологии.

Так, например, фраза «Земля была бескрайна – обитель богов, их родина. От века высился их таинственный чертог» отсылает к греческому Олимпу.

Фрагмент «...богиня, произраставшая в тяжелых золотых колосьях...» отсылает к богине плодородия Деметре. Фрагмент «Слаще было вино, дарованное зримым избытком юности, – бог в гроздьях...» отсылает к Дионису.

В первой части пятого гимна Новалис пока еще повествует о смерти как об угрозе, том горестном пределе, который невозможно превозмочь и преодолеть: «И сладкая волна живого моря навек разбилась об утесы горя...».

В пятый гимн включен фрагмент, заключающий в себе отсылку к стихотворению Фридриха Шиллера «Боги Греции» (1788) [6]. Фрагмент начинается строкой «Прекрасный отрок тушит лампу в срок...», в то время как в стихотворении Шиллера смерть представлена в образе Гения, опустившего свой факел перед ложем умершего. Считается, что Шиллер позаимствовал данный образ в исследовании Г. Лессинга «Как древние изображали смерть» (1769). Лессинг пишет: «Древние художники не изображали смерть в виде скелета, ибо они изображали её согласно гомеровской идее; для них смерть и сон – братья-близнецы, и оба изображаются в своем сходстве между собой» (см. об этом в исследовании В. Микушевича «Тайнопись Новалиса» [4]). Таким образом, Гений гасит о грудь умершего факел, символизирующий собой мирские страсти.

Новалис говорит о смертном пределе в его непреодолимости как об оковах: «Железные оковы налагало жесткое число с неколебимой мерой». Поэт пишет о Вселенной, ожидающей всемирной зари, подразумевая ожидание некоего преодоления, переосмысления миром смертного предела.

Пятый гимн озаглавлен прежде всего слиянием концепции «Истинной Ночи» как смерти с идеей Спасителя, что ведёт к преодолению смертного предела и преобразует смерть в высшую, благодатную, открытую вечности форму. Новалис вводит в повествование образ новорожденного младенца – будущего Спасителя, этот образ призван символизировать наступление нового золотого века: «...был явлен лик невиданный нового мира – в жилище, сказочно убогом, – сын первой Девы-Матери, таинственно зачатый Беспредельным...».

Смерть и воскресение Спасителя становятся преодолением смерти как отныне разомкнутого предела и раскрывают смерть как благо и возможность последующей вечной жизни: «Уводит наших милых Благая смерть во тьму...», «Небесными лучами уьемся, как вином, светить мы будем сами в сиянье неземном...» [5. С. 65].

Заключительный шестой гимн состоит из большого стихотворного фрагмента, озаглавленного «Тоска по смерти», где смерть окончательно переосмысливается как нечто счастливое и благое. Общая тональность гимна заключается в позитивной интенции смерти, что иллюстрируется следующими фрагментами: «Печаль в разлуке – добрый знак: Счастливые отплыли...», «Хотим забыться вечным сном в ночи благословленной...». Новалис пишет о том, как смерть открывает человека к вечности и воссоединению с любимыми: «Зовут возлюбленные нас, торопят наш последний час...». Заключительные строки говорят о стремлении воссоединиться с вечностью в Боге-Отце: «...так нам таинственная власть на грудь Отца велит упасть» [5. С. 69].

* * *

Новалис, проживший недолгую жизнь, был похоронен в своем родном городе Вайсенфельсе. Могилу украшает бюст работы Фридриха фон Шапера, изображающий молодого мужчину с ниспадающим каскадом волос. Его меч-

тательный взгляд с оттенком печали устремлен вдаль. Поэт словно предвидит ожидающую его трагическую судьбу – судьбу пророка романтизма времени наивысшего расцвета романтической школы.

Список источников

1. Шульц Г. Новалис: сам о себе. Челябинск : Урал LTD, 1998. 324 с.
2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб. : Пальмира, 2024. 510 с.
3. Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. СПб. : Наука, 2007. 893 с.
4. Микусевич В.Б. Тайнопись Новалиса // Новалис. Гимны к Ночи. М. : Энигма, 1996. С. 7–45.
5. Новалис. Гимны к Ночи. М. : Энигма, 1996. 192 с.
6. Шиллер Ф. Боги Греции // Светоч. 1860. № 1, отд. 1. С. 11–16. URL: <https://philolog.petsu.ru/mdost/texts/translit/bogigrec/htm/bogigrec.htm> (дата обращения: 13.03.2025).

References

1. Schulz, G. (1998) *Novalis: sam o sebe* [Novalis: About Himself]. Translated from German. Chelyabinsk: Ural LTD.
2. Berkovskiy, N.Ya. (2024) *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St. Petersburg: Pal'mira.
3. Haym, R. (2007) *Romanticheskaya shkola. Vklad v istoriyu nemetskogo uma* [The Romantic School. A Contribution to the History of the German Mind]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
4. Mikushevich, V.B. (1996) *Taynopis' Novalisa* [The Secret Writing of Novalis]. In: *Novalis. Gimny k Nochi* [Hymns to the Night]. Moscow: Enigma. pp. 7–45.
5. Novalis. (1996) *Gimny k Nochi* [Hymns to the Night]. Translated from German. Moscow: Enigma.
6. Schiller, F. (1860) *Bogi Gretsii* [The Gods of Greece]. *Svetoch*. 1. pp. 11–16. [Online] Available from: <https://philolog.petsu.ru/mdost/texts/translit/bogigrec/htm/bogigrec.htm> (Accessed: 13th March 2025).

Сведения об авторе:

Корниенко М.А. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mkornienko1@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kornienko M.A. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Research, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mkornienko1@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 25.10.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*